

Ю. Г. Силачѐв

Дети войны

Силачѐв Ю.Г. Дети войны. Автобиографическая повесть. – Верхний Тагил: Уральское Провинциальное Издательство (ИП Чумаков С. В.), 2017

UUID: 2168b77f-123e-4a72-8b89-9d40ac3fb88d

Знак информационной продукции 16+

В основу повести положены воспоминания автора о детстве и юности, прошедших на Урале в военные и послевоенные годы.

Оформление: ООО «Лица»

Подготовка электронного издания: Чумаков С. В.

ИП Чумаков Сергей Викторович

e-mail: uralizdat@bk.ru

сайт: <http://uralizdat.ru>

группа в соцсетях: <https://www.facebook.com/groups/uralizdat>

Все права защищены. Предназначено для использования только в личных целях. Копирование, распространение и коммерческое использование запрещены.

© Силачѐв Ю. Г., 2015

© ИП Чумаков С. В., 2017

Дети войны

I

Дети войны – это совершенно особое поколение, сущность которого не дано понять даже тем, кто родился через 3-5 лет после войны.

Поколение, которое появилось перед войной, вынесло чудовищную тяжесть непосильной работы, лишений, голода и горя, отсутствия лекарств и какого либо внимания со стороны родителей и государства. Но все эти лишения и вся система будничного каждодневного насилия не только закалило это поколение, но и сделало его стойким и терпеливым, которого не смогут запугать любые санкции запада.

В 1998 году чешский экскурсовод в Карловых Варах был очень взволнован и говорил нам, что в связи с экономическим спадом у них подняли цены на 0,3% и теперь все собираются на демонстрацию в знак протеста. Мы все недоумённо переглядывались: - «подумаешь 0,3%, у нас бы никто не чихнул, если – б сразу подняли цены на 10 %»- нам их не понять, также как и они, никогда не поймут нас.

Я очень рано начал помнить себя. Конечно, все эти воспоминания отрывочны, но общее впечатление о довоенном времени невероятно радужные. Может быть, этому способствовали и рассказы ро-

дителей о том, что уровень жизни перед войной повышался с каждым годом и люди стали нормально питаться и одеваться, а лапти уже можно было увидеть только в самой глухой деревне. Я ходил в детский сад и хорошо помню, как в группе я возился с таким – же бутузом, каким был и сам, отнимая у него трёх-колёсный велосипед. В группе, очевидно, был и второй такой же велосипед, поскольку этому существует документальное подтверждение в виде фотографии, где снята эта группа с воспитательницей и нянечкой в середине, а я и мой друг – соперник сидели на этих велосипедах на правом и левом флангах. Для забавы мне были куплены два белых козлёнка, которые носились друг за другом по комнате и поражали своей прыгучестью: со стула на стол, со стола на платяной шкаф и т.д.

Из грустных воспоминаний довоенного времени было только одно. Мама взяла меня с собой, чтобы попрощаться с умершим соседом-музыкантом. Его дом был рядом с нашим домом. Сосед лежал посередине комнаты на столе, вокруг стояли люди одетые в чёрное. Мне были видны только ступни и кончик носа покойника. Зато всё внимание привлекал висевший на стене громадный медный геликон - басовая туба. Когда мы шли домой я спросил у матери: «От чего он умер?» Она мне объяснила, от того,- что он играл на этой тубе, у него началась

болезнь лёгких, что и стало причиной смерти. Мне его стало очень жалко, а поскольку я всю жизнь был легковерным, я долго жалел музыкантов играющих на духовых инструментах. Саму смерть я воспринимал нормально, хотя был твёрдо убеждён, что уж я то, никогда не умру.

Сентябрь 1940 г.

Крайний справа Юра Силачёв

Я был вторым сыном, до меня был первенец Гена, который умер в возрасте полутора лет. Детская смертность в то время была высокой, впрочем, как и рождаемость.

Когда началась война, всё сразу изменилось. 22 июня 1941 года мне исполнилось три года и

тридцать два дня. Маму, как военнообязанную (фельдшер) мобилизовали на третий день войны, и сколько ни старался отец воспрепятствовать этому, ничего не получилось. Он работал в НКВД, и у него была бронь. В 1939 году после очередной чистки рядов НКВД, требовалось усилить её ряды членами ВКП (б) и партия направила отца на эту работу. Очевидно он сначала не понимал до конца характера этой работы, а поняв, постоянно делал попытки уйти с неё. Но назад хода не было.

Мама, в сформированном, здесь же в Артёмовске, в санитарном эшелоне уехала на запад, а отец продолжал требовать в военкомате, чтобы её вернули к малолетнему сыну, а его взамен взяли на фронт.

Меня почему-то перестали отводить в детсад, и я целыми днями стоял на подоконнике и смотрел на нескончаемые колонны красноармейцев в ботинках с обмотками и трёхлинейными винтовками Мосина образца 1891/30г.г., на которых зачем – то всегда были примкнуты штыки. Может, быть это поднимало боевой дух?

Каждая колонна пела песню «Священная война». Эту песню постоянно передавали по радио, и уже тогда я знал её наизусть. Много позже, уже в солидном возрасте, я узнал, что эту песню Лебедев-Кумач написал ещё в феврале 1941 года по

личному указанию И.В.Сталина. Уже тогда он знал с кем мы будем воевать. В шахтёрском городе Артёмовск был сборный пункт всей Свердловской области, именно там формировались воинские части. Забегая вперёд скажу, что на этот же сборный пункт привезли и меня вместе с другими новобранцами при призыве в армию. До сих пор стоят перед глазами нескончаемые ряды низких деревянных бараков, окруженных высокой оградой с колючей проволокой и могучим сосновым бором вокруг. Колонны красноармейцев шли по улице, состоящей из двухэтажных деревянных домов, на железнодорожную станцию Егоршино. Мы жили на втором этаже, у нас были большие окна, которые почему-то назывались венецианские, они имели широкий подоконник, и мне было удобно, подставив стул забраться туда и стоять или сидеть на этом подоконнике. Санитарный эшелон матери, несмотря на то, что на крышах вагонов были красные кресты, подвергся жестокой бомбёжке. Он был загружен тяжело ранеными не ходячими бойцами. Немецкие самолёты, разбив паровоз, ходили на бреющем полёте над эшеленом, сбрасывая бомбы и «поливая» его из пулемётов. Загорелись вагоны, и медперсонал несмотря на обстрел, выносил раненных из вагонов. В какой-то момент мать легко ранило осколком в плечо по касательной. В горячке она

этого не заметила и потеряла сознание от потери крови уже в конце разгрузки эшелона. Белый халат был полностью залит кровью, но разбираться, чья эта была кровь её или раненых было некогда.

II

Отец всё-таки добился, чтобы мать вернули к малолетнему сыну и сам пошёл на фронт. Прощаясь, он сказал, что война будет тяжёлой и затяжной и чтобы нам выжить нужно немедленно ехать в деревню к родителям. И мы с мамой уехали на родину в село Черемисское, поселившись у бабушки Елены Даниловны - матери отца, где летом жили в большом пятистенном доме, а зимой в маленькой зимовухе на два окна. У неё был большой огород и, главное, чёрная корова Нинка, наша основная кормилица и поилица. С бабушкой жил самый младший брат отца - дядя Толя. Он был всего на шесть лет старше меня и, несмотря на это, уже работал в колхозе на ответственной должности - пастун колхозных жеребят из трёх десятков голов. Бабушка Елена родила его уже в возрасте 56 лет. Дед Илья умер ещё в 1939 году. Мама устроилась операционной сестрой в больницу, которая была в сосновом бору, в пяти километрах от села. Там был большой отдельный корпус для лечения больных туберкулёзом, которых везли туда со всего Реже-

вского района. Считалось, что сосновый бор, его смола – живица и фитонциды будут способствовать выздоровлению. Туберкулёз тогда был очень распространён, а его лечение было неэффективно, поскольку в то время ещё не было пенициллина. Маме дали продуктовые карточки, по которым мы получали 400 граммов хлеба, а в колхозе на трудодень давали всего 200 грамм. Поэтому карточки мамы, картошка с огорода и молоко Нинки обеспечили нам в войну относительно безбедное существование.

Зима 1941-1942 года была очень суровой и холодной, появилось много волков, жертвами которых становился не только скот, но и поздние путники. От них погибла учительница нашей школы. Она жила в соседней деревне Колташи. Зимой темнеет очень рано. После занятий в сумерках пошла домой. Когда её начали окружать волки, она побежала к стогу сена и зажгла его. Пока стог горел, волки сидели поодаль и после его погасания они расправились с учительницей. Нашли только остатки её ног в валенках. В вечерних сумерках мы были свидетелями, как два волка напротив нашего дома схватили и разорвали собаку, которая не успела нырнуть от них в подворотню. Появлению большого количества волков и их бесстрашию способствовало то, что охотники ушли на фронт. Кроме

того осенью 1941 года у населения были конфискованы все охотничьи ружья – их сдали в сельсовет. Видимо вождь боялся, что население поднимет восстание. Появление большого количества волков произошло из-за их миграции на восток из лесов Белоруссии. Они уходили от войны. Было, конечно, много и досужих разговоров и разных ужасиков, как это обычно бывает. Рассказывали, например, что появились какие-то особенно большие гривастые волки. К осени 1942 года ружья вернули населению. Дядя Толя стал брать меня с собой на охоту. Может он боялся или просто ему со мной было веселее, но он привил мне большую страсть к охоте. Хотя я сильно уставал, но не ныл и не жаловался. Рябчики и куропатки были большим подспорьем к столу. Однажды он убил огромного глухаря. У нас была рыжевато-голубая лайка по имени Розка. Она помогла в охоте на глухаря. Когда Анатолий услышал лай собаки, он сразу определил, что лает она на глухаря. Мы осторожно стали подкрадываться. Вышли к небольшой поляне, посередине которой была раскидистая сосна по нижнему суку, который был горизонтально земле, ходил большой глухарь и, время от времени, наклоняясь к лающей Розке, казалось что-то сердито ей выговаривал, при этом длинные перья на шее тряслись как борода. Эта комичная картина, как живая, и сейчас стоит перед

моими глазами. Розка сильно пострадала зимой 1943 г. Анатолий был на лесозаготовках, и Розка была с ним. Однажды на неё напала громадная рысь. Смертельная схватка продолжалась долго и Розка всё-таки задушила рысь. Анатолий не имел ружья, боялся подойти и только кричал. Потом он принёс на руках истекающую кровью собаку. Мама на моих глазах зашивала её раны, а я рыдал навзрыд, не надеясь, что после таких чудовищных ранений Розка останется жива. Но она отлежалась и снова стала исправно нести положенную ей службу. Шкура рыси долго служила ковриком у кровати мамы.

Ружьё было лёгкое – берданка 28 калибра и Анатолий научил меня стрелять из него. Учил оригинально, снаряжая патроны только пистонем, а я с трёх-четырёх метров стрелял по пламени коптилки. Если прицел был правильный, то пламя сбивало. Хорошо помню свой первый охотничий трофей. Мне тогда было около пяти лет. Зимой мама вернулась из больницы с ночного дежурства, бабушка ушла трепать лён вместе с другими колхозницами, а Анатолий был в бригаде на лесозаготовках. Мама сказала мне: «Юра, в огороде стрекочет сорока, так хочется мясного супчика, попробуй застрелить её». Я взял ружьё, зарядил его патроном с дробью пятого номера и зашел в пригон к Нинке. Там было уз-

кое оконце, которое вместе с рамой выставилось, и через него выкидывали в огород навоз. Я вынул оконце, положил ружьё на эту бойницу и тщательно прицелившись, выстрелил в сороку, которая крутилась на колу изгороди в 20 метрах и стрекотала, радуясь лучам яркого солнца.

Суп из сороки получился действительно вкусным и даже наваристым. Только мама предупредила меня, поскольку бабушка была очень брезглива, не говорить, что это сорока, а сказать, что куропатка. Бывали случаи, что белые куропатки большой стаей садились прямо в огород и Анатолий однажды убил несколько штук одним выстрелом. Бабушке суп очень понравился, а его начинка так и осталась тайной.

В начале лета 1943 года совершенно неожиданно приехал отец. После ранения, полученного под Ленинградом, он лечился в госпитале, после которого его направили в Челябинское танковое училище. Учился он там менее года (ускоренный выпуск), получил звание лейтенанта и должность командира танка. Утром, в день его приезда бабушка Елена испекла два пирога с морковной начинкой. Я взял один пирог и спрятал его в посудный шкаф, заявив, что этот пирог папе, сегодня он придет. Анатолий, не наевшись, хотел отобрать пирог и даже дёргал меня за ухо, но бабушка и мама засту-

пились за меня и он обозлённый выскочил за дверь. К обеду приехал отец, а вечером он уже уезжал. Их вновь сформированная на Урале танковая дивизия направлялась на Курскую дугу. У меня была сильно развита интуиция и, видимо, были задатки ясно-видения, но меня это пугало и я всячески старался подавлять в себе эти способности. Я предчувствовал смерть знакомых мне людей, и когда это происходило, считал, что стал виновником их смерти, то есть накаркал. Когда подступало очередное «прозрение» я читал все молитвы, которым меня научила бабушка Марфа. Недалеко от нас жило сиротское семейство. Муж был убит в первый месяц войны и вдова – тихая хрупкая женщина осталась с пятью мальчишками – погодками. Очевидно, она была больной или очень слабой и её сил, кроме работы в колхозе не хватало на заготовку сена и дров. Поэтому корову проели в первый же год войны и все дворовые постройки, сараи, пригоны, баню за время войны пожгли на дрова. Я запомнил её всегда закутанную в платок, из которого виднелись большие тёмные глаза. Что она говорила ребятам своим тихим голосом, я ни разу не слышал. А с ребятами я очень подружился. Младший был мой ровесник. Все, кроме старшего Захара, имели прозвища: Бомба, Тетеря, Савраска и младший Тюня. Знаю только почему дали прозвище второму, поскольку это про-

изошло на моих глазах. Мы купались и старшие ребята, взяв одного из братьев за ноги и за руки, раскачали его и бросили с крутого берега в речку. Получилось очень эффектно, так как он поднял тучу брызг и с этого момента стал Бомбой.

Ребята всегда ждали меня, так как я всегда старался принести что-то съестное. Всё это Захар почестному делил между братьями. Они всегда были голодны. Оживали только летом. Сначала ели дикий лук-чеснок, который вырастал после половодья на заливных лугах. Они знали массу всяких трав и растений, которые можно было есть. У всех были большие рахитичные животы. Ждали, когда поспеет горох. Горохом можно было наесться. Но посе-вы гороха охраняли. Мы подходили к гороховому полю со стороны леса и долго высматривали, где находится объездчик. Он иногда тоже дожидался нарушителей на опушке леса. Дождавшись, когда сторож уедет на другой конец поля, мы по - пластунски ползли в горох и набивали животы. Однажды на поле поймали нашего приятеля Серёгу Хоми-ча и, намотав на его шею плеть гороха, в назидание прочим, водили по селу. Но основной пищей была рыба. В речке было много пескарей, которые сразу при входе в воду скапливались вокруг ступней ног и щекотали их своими губами. Мы ловили их на удочки и рубашками, используя их вместо бредня,

а потом жарили их на прутьях над костром и ели без соли, которая тоже была в большом дефиците. Особенно ловко получалось у ребят ловить налимов, за которыми мы ходили на реку Реж в пяти километрах от села. На перекатах налимы прятались под камнями и крупных ребята вытаскивали, засунув палец им в рот, предварительно закрыв им выход из-под камня. Мелких накалывали вилками. Обшаривали в поисках налимов норы в крутых берегах. Однажды Тетеря с криком выдернул из норы руку вместе с водяной крысой, схватившей его за палец.

Осенью 1944 года мы все вместе пошли в школу. Захар пошёл в 3-й класс, а все остальные вместе со мной в 1-й. Братья учились до начала октября и с наступлением холодов в школу не ходили, так как ни у кого не было обуви. Потом всю зиму сидели на печи и во двор выходили только по нужде. На всех были одни громадные рваные валенки. Когда в марте появлялось яркое солнце, и начиналась капель, они носились, как бешенные, по снегу сверкая ярко-красными ступнями.

Позднее, вспоминая этих братьев, я посвятил им стихотворение:

Нам жизнь конфеткой не казалась,
И в наши малые года
Война по- полной нас касалась,

Оставив память навсегда.
Когда отца на фронт призвали
В один из первых дней войны,
Он попрощался без печали,
Поверив в мощь своей страны.
Но не случилось возвращенья
С победой скорою домой,
Весной прислали извещение
Что пал в бою он, как герой.
Мы не могли, одев шинели
Своим отцам заменой стать:
В промёрзших классах мы сидели,
Учились в варежках писать
Война свой страшный след чертила,
Как указали ей штабы.
Писали мёрзлые чернила:
«Мы не рабы. Рабы не мы»
И согреваясь хоть немного,
Дожить до перемены чтоб,
Мы по команде педагога
С прихлопом делали притоп.
Сажали, сеяли, копали
И собирали колоски.
На фронт всем классом отправляли
Табак, кистеты и носки.

Чернила мы делали из печной сажи, добывая
её из трубы. Самые красивые и лучшие чернила

были из сока свеклы, но они не хранились более двух суток.

Поэтому писать такими чернилами могли себе позволить немногие. Более всего я любил чистописание и очень старался, но наша строгая учительница Нина Ивановна пятёрки ставила редко. Тетрадей у нас не было. Выдавали всем по четвертушке тетрадного листа, на одной стороне которого писали в школе, а на другой выполняли домашнее задание. Первое время под влиянием братьев домашнее задание я не выполнял, так как мы использовали эти четвертушки на самокрутки. На Подзаводской улице села жили родители мамы. Бабушка Марфа Лазаревна ещё до школы научила меня читать Евангелие на старославянском языке. Дед Василий Данилович выращивал табак, очень капризную культуру, технологию которой редко кому в условиях Урала удавалось постигнуть. А тогда моей обязанностью было в деревянном корыте сечкой рубить этот табак до нужной кондиции. Сколько слёз и соплей при этом было пролито от табачной пыли одному богу известно. Зато я по взрослому, научился курить. Порубленный самосад я ссыпал в громадную, тиснённую узорами жестяную коробку, в которой раньше, судя по надписи, была какая-то продукция торгового Дома Елисеевых. Потом я брал в карман горсть табака и уходил к братьям ку-

рить. Табак во время войны был, как и хлеб в большом дефиците. Как я понял позднее, курение помогало братьям приглушить чувство голода. Братьев мне удалось поддержать в зиму 45-46 года.

III

Поздно осенью в 1945г вернулись из госпиталей домой отец и его средний брат Василий. От радости, что остались живы, они гуляли (пьянствовали) целую неделю. К ним присоединились двое довоенных друзей, также прошедшие войну. Меньше всех пришлось воевать Комиссарову Александру Андреевичу нашему директору школы. Уже в конце 1941 года он вернулся домой без руки. Во время этого загула я и Анатолий не отставали от фронтовиков ни на шаг. Интеллигентность Комиссарова иногда становилась предметом шуток. Однажды все вернулись к нам из очередных гостей, и Анатолий бросился угощать их самогоном. Зная, что бутылка самогона стоит на кухне под лавкой, он схватил её, и начал обносить всех по порядку, наливая в зелёный гранёный стакан. Но в бутылке оказался не самогон, а керосин. Первый фронтовик, имя которого я не помню, начав пить, остановился, но потом, сделав усилие, проглотил содержимое. Вторым начал пить отец и тоже остановился, но увидев знаки первого, который указывал глазами

на Комиссарова, тоже собрался и допил до конца. А Комиссаров, отпив половину, остановился и закашлялся, а отец и фронтовик, хлопая его по спине говорили: - «Да, брат, мало тебе пришлось повоевать, раз ты не можешь даже стакан керосина осилить!»

Отец вместе с Василием и Анатолием занялись охотой на диких козлов, которых за годы войны развелось во множестве и они активно подъедали колхозные и частные стожки сена. Лицензий на их отстрел тогда не требовали, и они добыли несколько десятков. В селе жил хороший портной – скорняк и он из шкур козлов делал хром и всем троим, пошил хромовые пальто. Он был родственником по линии бабушки Елены с фамилией Кукарцев – шитьё верхней одежды и скорнячество было их семейным промыслом не одно поколение. Плату за них он брал теми же шкурами. А я всю эту зиму носил братьям куски козлиного мяса. С весны 1946 года мы оставили у бабушки Елены дядю Васю, который обзавёлся собственной семьёй. А мы, продав всё, что можно было продать стали строиться и обзаводиться собственным хозяйством. Поэтому также стали сильно голодать, так как не было коровы и даже картошки. Мы перебрались на другой конец села, и с братьями я уже виделся редко. В начале 1947 года отца перевели на работу в Шайтанку и больше братьев я не видел. Скорее всего, их

хрупкая мать, сломленная горем, голодом и болезнями умерла, а братьев распределили по детским домам. После службы в Армии я специально поехал повидаться с ними, но там не было даже их дома – добротного пятистенника, построенного перед войной. Никто и ничего не мог сказать мне об их судьбе. Всю жизнь я с нежностью вспоминаю этих дружных и милых ребят, которые, несмотря на все лишения никогда не унывали. Помню, как мы ходили в ночное пасти колхозных лошадей, и они делились даже сожжённой кожурой от печёной в костре картошки.

Весной 1945 года начался мой трудовой путь на благо Родины. Я был подпаском, помогая Анатолию пасти колхозных жеребят, но платили мне за трудовой день только треть трудодня, и мама из-за этого ругалась с бригадиром. Пасти табун было нелегко, и я лихо гонял на неосёдланной лошади, заворачивая жеребят от полей, куда их всегда тянуло, а потрава хлеба могла закончиться для Анатолия тюрьмой, несмотря на его несовершеннолетие. Однажды недосчитались трёх жеребят и мы, оставив в загоне табун, до поздней ночи безуспешно искали их. Когда вернулись, конюх сказал нам, что кто-то видел этих жеребят за Малым низом (улица села). Мы оставили лошадей, и пошли туда, и ещё долго ходили, пока совсем не обессилели. Возвраща-

ясь через кладбище, присели отдохнуть в старую, проваленную могилку и там, прижавшись, друг к другу уснули. Анатолий боялся возвращаться домой думая, что жеребят украли. На наше счастье жеребята сами вернулись домой. День Победы 9 мая запомнился тем, что на лошади мимо нас во весь опор промчался мужик и непрерывно кричал: - «Победа! Победа!» Он был пьян или его так сильно перехлестывали эмоции, что его сильно бросало из стороны в сторону так, что мы удивлялись, как ему удаётся удержаться в седле. Весной 1946 года я, общаясь с братьями, заразился от них трахомой (болезнь глаз) и нас всех поместили в инфекционный бокс больницы. Там мы развлекались тем, что пытались ловить крыс, хотя наши глаза были закрыты толстой коркой гноя. Нам промывали глаза какой - то вонючей, до острой боли режущей глаза жидкостью, а в качестве лекарства давали красный стрептоцид, и после мы ужасались, думая, что пишем кровью. Когда острая фаза болезни прошла, братьев выписали, а меня оставили в боксе, потому что обнаружили болезнь почек. Но жить одному в боксе полному крыс, которые нагло ходили, где им заблагорассудится, не обращая на меня никакого внимания, было выше моих сил. Ночью они залазили в кровать ко мне и примерялись лакомиться моими ушами, сильно их покусав. И я сбежал из

больницы домой к маме, невероятно обрадованный встречей с ней, но меня поразил её полный отчаяния и ненависти взгляд и она начала меня ругать. Она надеялась, что эта болезнь продержит меня в больнице не меньше месяца, так как дома есть было нечего. После я целыми днями перекапывал колхозное поле из-под картошки, оставленное под зябь для посева озимых. Каждый раз мне удавалось набирать больше ведра старой перемороженной картошки, в кожуре которой оставался крахмал. После шел собирать лебеду и крапиву. Бабушка Марфа замачивала картошку в воде, чистила и перемывала её, и с рубленой лебедой жарила на рыбьем жире лепёшки, вкуснее которых не было ничего на свете. В сельсовете, клубе, школе, правлении колхоза висели большие красочные плакаты, пугающие нас ботулизмом, какой это опасный и смертельный яд и он находится в той самой перезимовавшей в поле картошке. После жатвы все дети ходили по жнивью собирать колоски. С ними был кто-нибудь из старших, следивший чтобы все колоски были сданы. Если жнивье оставалось до весны не паханным, то весной собирать колоски запрещали, также пугая население опасностью – умереть от ботулизма. Мы не знали случаев смерти от ботулизма, хотя все ели перезимовавшие в поле картошку и колоски. Умирали совсем от другого. Например, дядя Кузьма,

брат моей матери умер, как говорили от «надсады» на лесозаготовках, таская тяжелые брёвна, оставив сиротами пятерых детей. В то время больше вспоминаются эпизоды, когда удавалось наесться «до отвала». Например, на Троицу был объявлен выходной, и мужики с бреднем в старице наловили много рыбы. Там было несколько щук более метра длиной. Все с наслаждением ели уху и каждому досталось по полной миске вареной рыбы. В то же лето меня взяли от Анатолия из подпасков в сенокосную бригаду, где я подвозил волокуши с копами сена к месту стогования. Волокуша делается просто: срубает две березы, кладут их одна на другую крест на крест и сгребая сено, сваливают его в копну на березы. Потом за каждый конец березы я привязывал веревки, закрепленные к хомуту, и вез волокушу к стогу. Я любил и сейчас трепетно люблю лошадей, этих умных, сильных, красивых и терпеливых животных, отдающих себя без остатка служению человеку. Они чувствовали эту любовь и часто ласкали губами мои уши и шевелюру на голове. Когда я возил эти волокуши, у Анатолия случилось несчастье. Большой жеребенок-двухлеток тогда упал в погреб на месте выгоревшего вместе с домом подворья, сломал ноги, и его пришлось дорезать. Я очень переживал за Анатолия, но бригадир был очень доволен. Быстро вместе с зоотехником

составили акт-списание, признав происшедшее несчастным случаем. Жеребенка отдали поварихам, и весь колхоз наслаждался этим деликатесом.

IV

Через наше село постоянно туда и обратно, начиная, с 1942 года проходили танки Т-34, которые изготовлялись в Нижнем Тагиле на Уралвагонзаводе. Они прямо с конвейера шли на пробег по стокилометровому маршруту: Нижний Тагил, Невьянск, село Черемисское, Реж и обратно. Летом 1944 года меня решили окрестить в ближайшей церкви, которая была в Невьянске, а поскольку другой транспорт кроме танков не ходил, мы с бабушкой Еленой ездили на танке, забираясь туда через башенный люк. Поскольку шлемофонов нам не полагалось, то от грохота в танке мы два дня были глухие, переговариваясь только криком.

В деревне появились пленные немцы. Они строили МТС - здание конторы и мастерские и я не помню, чтобы их кто-то конвоировал. Ходили они всегда строем, и командовал ими тоже немец. Жители села относились к ним с сочувствием и даже подкармливали, хотя мы видели, что питаются они лучше нас. Удивительно русское радушие, всепрощение. Половина призванных из села на войну, не вернулись. Половина вернувшихся тоже на поло-

вину, была искалечена. А сколько пострадало от голода и болезней? И виной всему были немцы. Видимо поверженный враг, плененный враг врагом не считается. Я тоже два раза приносил и передавал им через ограду куканы наловленных пескарей. Они были очень рады этим пескарям и просили меня подождать, чтобы чем-нибудь отблагодарить меня, но я смущаясь убежал. Этих немцев сначала заставили разбирать купола Богоявленской сельской церкви. Кирпич думали использовать на строительство МТС. Но эту затею пришлось оставить, так как раствор, на котором были эти кирпичи, был настолько крепок, что отделить кирпичи было невозможно. В церкви был устроен клуб и немцы ходили туда на танцы. Танцевали они необычно и непривычно для нас, делая какие-то неожиданные па, чем смущали наших девушек. Зато когда наши начинали танцевать кадрили, тут уже все они сидели с открытыми ртами.

Когда обзаводились хозяйством, купили телку, и мать всю свою любовь перенесла на неё. Ей так хотелось завести собственную корову-кормилицу, и она её так холила и лелеяла, что та разжирела и осталась яловой. А это для крестьянской семьи большое несчастье. Кормить нужно, а молока и мяса (теленка) целый год не увидишь. Поэтому её зарезали на мясо и продали в Свердловске, а там,

на рынке купили корову из трофейных, привезенных из Германии. Она была с громадными рогами и какой-то невиданной масти с сиреневым оттенком, но главное, что выяснилось позднее, она оказалась стойлового содержания и в стаде не ходила. Пастух, промучившись с нею несколько дней, отказался брать её в свое стадо, и пасти её стало моей дополнительной заботой. Кроме того почти треть надоя мне ежедневно приходилось относить в громадном бидоне на молочный завод для оплаты налога за корову. Расстояние до молокозавода было 1,5 километра, и я давал себе задание нести бидон не менее одного пролета телеграфного столба, не меняя руки, хотя это было мучительно больно.

Во вторник 1 апреля 1947 года я только, что пришел из школы и меня сразу отправили к бабушке Елене на Большой низ, по явно выдуманному поводу с непременным условием остаться там ночевать. Была страшная распутица, половодье, везде звенели ручьи, и наша речка Черемисска ревела громадным мутным потоком. У меня были мокрые ноги, но бабушка Елена не удивилась, увидев меня. А дома меня ждал сюрприз в виде только что появившейся на свет сестрички Гали. Меня, Галину и позднее брата Володю принимала роды на дому бабушка Марфа Лазаревна. Она считалась лучшей повитухой. Нянчить сестричку тоже стало моей

обязанностью. Мы перебрались к отцу в Шайтанку, где мать назначили заведующей фельдшерско-акушерским пунктом. Там я стал помогать матери в её медицинской практике. Я ходил домой к больным, в основном пожилым людям ставил банки и делал внутримышечные уколы. При этом я напускал на себя важный вид и даже давал какие-то советы, когда их спрашивали. При этом всё моё медицинское образование ограничивалось только инструктажами матери и рассматриванием картинок в учебниках по акушерству и в толстом томе «Полевой хирургии» Н.И.Пирогова. Маме я даже делал внутривенные инъекции, совершенно интуитивно, находя вену, никогда не делая второго прокола. Мать меня хвалила, говоря, что редкая медсестра обладает таким мастерством.

Через год отца перевели на работу в Верхотурский район в деревню Белая глина. Это было севернее на полторы сотни километров. Если мы в светлых сосновых борах Черемисски ходили раздетые, не обращая внимания на комаров, то здесь для меня настоящим бедствием стал гнус, от которого не было спасения. В лесах было много ягод и местное население, собирая их, замачивало на зиму десятиведёрные бочки брусники и клюквы, засушивали по целому мешку черники. Также собирали и сушили черемуху, мололи её, делая потом кисели и

пирог. Мама тоже решила не отставать и основным заготовителем сделала меня. Как же я возненавидел сбор этих ягод! Сейчас в саду, например, я никогда не собираю жимолость или смородину. С кем-либо из местных я почти ежедневно ходил в лес и должен был приносить домой полный двухведерный берестяной короб ягод. В духоту и жару весь облепленный гнусом, от которого не спасает никакая одежда. У меня было расчесано до крови все тело и лицо, распухшие уши висели как листья лопуха. Наверное, только через год или два я перестал расчесывать места укусов и у меня появился какой-то иммунитет. В период сенокоса я привычно работал в колхозе, как всегда, на лошадях и уверенно справлялся с работой на конных граблях. В девять лет мне сделали маленькую литовку, и я косил сено наравне с родителями. Отец шел впереди, я за ним, а мать сзади и если я начинал отставать, кричала, - «Пятки обрежу!»

В 1947 была проведена денежная реформа и была отменена карточная система. В продаже появился белый хлеб! Начиная с 1947 года вплоть до 1954, в стране 8 марта ежегодно проводилось Сталинское снижение цен. Франция отменила карточную систему только в 1949 году, Англия в начале 50-х, но даже по карточкам в этих странах продукты стоили так дорого, что не все могли их выкупить.

В нашей стране через 5 лет после отмены карточек, хлеб, мясо, сливочное масло стоило в 2,5 раза дешевле, чем до отмены, сахар подешевел в два раза. За эти же пять лет в США цены на хлеб выросли на треть, в Англии и Франции в два раза. Росли цены и на другие продукты.

Получалось, что граждане СССР через пять лет могли купить вдвое больше продуктов. По темпам экономического роста Сталинский СССР никто и никогда не опережал, и какой после этого нужен пример «Эффективной экономики?»

Но это касалось только городского населения. Рост их благополучия происходил за счет дальнейшего обнищания деревни - крестьян, которые были в положении крепостных и, не имея паспортов, не могли уйти из колхоза.

В деревне не было пекарни, и хлеб мы пекли сами. Мама и здесь стала заведовать фельдшерско-акушерским пунктом, но теперь у неё была помощница-медсестра. Ей приходилось обслуживать большой район в несколько деревень, а однажды она уехала верхом на лошади за 50 километров принимать роды у жены лесника и пробыла там трое суток. Обязанность - печь хлеб, и доить корову было на мне. Отец пытался доить корову, но она его не подпускала. Он даже пытался одевать фуфайку и платок мамы, но корова, разнюхав этот

обман с силой была копытом по подойнику. Поэтому доить пришлось мне, и корова относилась к этому спокойно. Отец уходил на работу чуть свет и будил меня, я шел доить корову, выгонял её и овец в стадо, предварительно их напоив. Затем подмешивал квашню, выкатывал хлеб, чтобы он поднялся и, протопив печь, заметал в угол золу и угли, выкатывал хлеб на под печи. За это время ещё нужно было успеть сварить картошку, чтобы сделать толкушку для корма свинье. Нужно было сварить Галинке манную кашу и приготовить что-то себе. Но более трудным было носить воду из колодца, который был на расстоянии более ста метров. Десять ведер нужно было поднять и вылить в бочку на второй этаж деревянного дома, в котором мы жили. Ещё большее количество воды нужно было для заполнения бочек в огороде для полива грядок. Вода к вечеру прогревается и тогда я занимался поливом. Особенно любили воду огурцы, которые буйно росли на высокой навозной грядке. Ежедневно я собирал их больше ведра. Нужно было заниматься прополкой в огороде, чистить хлев. Ежедневно много времени отнимала возня с дровами. Если в Черемиске выделялась делянка и в конце зимы вся семья на ней занималась заготовкой дров, то в Белой глине зимой гусеничный трактор привозил «сухару» - ствол длиной более 20 метров, толщи-

ной у комля более метра и его пилили и кололи почти ежедневно круглый год. Этот сухой поваленный лес рядом с деревней Белая глина появился от пронёсшегося над ним верхового пожара. Когда отец с матерью поняли, что я справляюсь со всей работой по хозяйству, то уже в неё не вмешивались и только мать, когда не была на вызове, доила корову и стряпала хлеб по утрам. Работа в деревне была, как говорится, от темна до темна. Как-то в разговоре, через 40 лет после войны, как я воспитывал сестру и брата, младший брат Володя говорил, что я ставил его в бочку с тёплой водой на огороде, а сам шёл играть с ребятами, я, с недоумением глядя на него думал: «А приходилось ли мне когда-то играть?». Вспоминается только работа, работа и работа. Володе запомнился эпизод, когда я отмывал его в бочке вечером к приходу мамы. У неё иногда были претензии:- «Почему Володя такой грязный?». Чтобы этих претензий не было, я с утра переодевал его в старую грязную одежду, а вечером отмыв его, одевал во всё чистое. И к приходу мамы он сиял как огурчик. Такие понятия были о нас у поколения, которое выросло в тёплой квартире со всеми удобствами и не знающие настоящую цену куска хлеба.

V

Зимой 1947 года к нам приехал Анатолий, чему я был необыкновенно рад. Он закончил в г. Реж автошколу и теперь работал в колхозе шофёром. Он был моим настоящим другом и кумиром и я тогда во всём старался подражать ему. Он был очень начитан и приносил из Черемисской библиотеки еженедельно по охапке книг. Читал не только французских классиков но и философов : Дидро, Руссо, Вольтера. Он привёз и подарил мне старую знакомую берданку 28 калибра, правда, теперь на затворе её был сломан отсечко-отражатель и стреляные гильзы приходилось выбивать шомполом. С тех пор всё свободное время я стал посвящать охоте.

Порадовал меня Анатолий и другими подарками. Он привёз мне знаменитую книгу академика Ферсмана А.Е. «Занимательная минералогия» и книгу «Определитель минералов». Он знал моё увлечение – розыск самоцветных камней и мою мечту стать геологом. Как только мы с матерью переехали в начале войны в Черемисску, моим любимым занятием стал поиск самоцветных камешков. Я целыми днями ковырялся в каменистых осыпях, вблизи выхода коренных пород или просто в поле, разбивая комья глины. У меня была интуиция-чутьё на эти камушки-переливты. Переливтами их называют из-за того, что на солнце они переливаются

разными цветами. Черемисска находится практически посередине знаменитой «Самоцветной полосы» Урала. В своей книге академик А.Е.Ферсман приводил слова геолога В.И.Воробьёва, который в 1904 г отмечал, что «по всем речкам и логам вокруг Черемисской и Колташей и, наконец, прямо среди взятой на пашне глины, оказываются рубины, сапфиры и кварцы, только хороших мало. Хороши только «Колташинские» - в 3-х верстах от Черемисски. Анатолий сначала смеялся над моей увлеченностью, но по мере роста моей коллекции и появлению в ней редких кристаллов он начал уважать моё «чутьё» на эти камни. «Определитель минералов» я выучил наизусть и уже практически профессионально по цвету, блеску, цветам побежалости, строению, по твёрдости и цвету черты на фарфоровой пластинке, классифицировал все минералы, попадавшие мне в руки, а также классифицировал все камни, бывшие в моей коллекции. Кроме рубинов, топазов и изумрудов там было ещё много полудрагоценных и поделочных камней: гранаты, аметисты, агаты, сердолики, амазониты, авантюрины, халцедоны, малахиты, родониты, нефриты, опалы, яшмы, лазуриты, лабрадориты, змеевики, флюориты, нефелины, пегматиты и много других. Своей коллекцией я не дорожил, показывал её всем желающим и даже радовался, когда кто-то брал

понравившиеся камушки. Я был счастлив этим увлечением и готов был поделиться этим счастьем с другими. С Анатолием мы постоянно общались и переписывались до тех пор, пока я не пришёл из Армии и обзавёлся семьёй.

Через два года отец привёз из Черемисски деда Василия Даниловича и Марфу Лазаревну – родителей мамы, а также двоюродную сестру Тамару – дочь дяди Кузьмы, для того чтобы помочь тётке Марии, у которой осталось пятеро детей. Тамара окончила у нас в Белой глине семилетку, начала работать в сельсовете и через год вышла замуж, как говорили, по большой взаимной любви за Виктора Кордюкова. Они меня наполовину разгрузили от домашних работ, и я смог уделять больше времени охоте. В период сенокоса и жатвы я работал в колхозе. После сенокоса начиналась уборка ячменя, потом озимых и других зерновых культур и я работал помощником комбайнера на комбайне «Коммунар», который буксировал трактор, а потом и на самоходном комбайне СК-4.

В 1952 мне исполнилось 14 лет и тогда произошло два «знаковых» для меня события. Первое – вступление в ряды комсомола, которое сопровождалось необычайным душевным подъёмом. Тогда пришлось для получения членского билета ехать в райком в Верхотурье и чуть не все 70 километров

пришлось толкать машину руками по раскисшей от грязи дороге. Но это только подогревало мою эйфорию, мне казалось, что я совершаю подвиг. А осенью, случайно столкнувшись на охоте с медведем, мне удалось его убить. Тогда в выходной день мы с отцом пошли охотиться на глухарей. Патроны были заряжены нулёвкой. Мы шли метрах в 50 друг от друга, ориентируясь по солнцу, которое было справа от нас. Участок леса был завален бу-реломом от пронёсшегося здесь когда-то пожара и зарос довольно густым подлеском около 5 метров высоты, и видимость была плохой. Я перелез через очередную поваленную лесину и очутился прямо перед медведем, в 4-х метрах, который стоял на задних ногах рядом с разломанным старым пнём. На такой охоте обычно ружьё держишь всегда наготове, потому что времени на выстрел, когда вылетает птица, всегда считанные мгновения. Поэтому я сразу, не успев испугаться, выстрелил ему в голову, и он рухнул вниз мне под ноги. Тут уж я испугался и пулей перелетел назад через лесину. Мне было нужно для перезарядки сначала выбить шомполом гильзу из берданки. Если бы медведь был ранен, то времени для этого у меня уже не было. Оглянувшись, я понял, что медведь убит и начал перезаряжать ружьё. В это время меня окликнул отец, и я позвал его к себе. Увидев медведя, он разволно-

вался и стал закуривать, при этом у него дрожали руки и махорку он сыпал мимо газеты. После, когда ходили на охоту вместе он всегда держал меня в пределах видимости, а если я шел на охоту один, то уже брал тульскую двухстволку отца, при этом по его рекомендации всегда левый ствол заряжал пулей или картечью. Медведь был молодой полторагодовалый пестун. Отец связал ему лапы, просунул под них жердь и мы понесли его домой. За два километра до деревни нам попался знакомый, который ехал на телеге и мы попросили довести нашего медведя. Но для этого лошадь пришлось сначала выпрячь и увести её подальше. Мы погрузили медведя, забросали его лапником пахучей пихты и все равно лошадь запрягли с большим трудом, она ржала, косилась на телегу и всё время пыталась вырваться. До дому она довезла нас вскачь. Её снова выпрягли и только потом сняли медведя. Это был второй случай, когда в нашем районе медведя убил четырнадцатилетний мальчик. Год назад такой же паренек из села Монастырское в 12 км от нас тоже убил медведя. Тот медведь был старый и большой, а у парня все патроны были с мелкой дробью. Но ему повезло тем, что он первым же выстрелом выбил медведю глаза, и тот незрячий пытался схватить охотника, но все время натыкался на деревья. А парень бегал вокруг этих деревьев и, стрелял в

медведя с близкого расстояния много раз, пока не убил его. Медведей в Верхотурском районе в те годы было очень много, и вели они себя довольно нагло. Овёс всегда сеяли у самой деревни, но все равно когда он становился молочновосковой спелости, какую любят медведи, они ходили им лакомиться, а объевшись, катались, вытаптывая целые поляны овса. Однажды летом мы обедали, и мимо дома по дороге неспешно прошел медведь и стал спускаться к реке Туре. Отец бросился за ружьём, а меня послал к начальнику почты Собянину, который был опытным охотником, и у него была собака – лайка, натасканная на медведей. Я позвал Собянина и он вместе с отцом стал преследовать медведя, который переплыв реку, пошел через заливной луг в сторону леса. Охотники на лодке тоже переплыли реку и собака, хватая медведя за «гачи», остановила его у маленького озера. Медведь, опасаясь за своё «хозяйство» задом повернулся к воде и молниеносными выпадами пытался схватить собаку, но та ловко увёртывалась. Охотники не спеша подошли и двумя выстрелами уложили медведя. Я со своим другом Генной, тоже переплыв следом на другой лодке, наблюдали эту баталию.

VI

Окончания семилетки я ждал с нетерпением, отсчитывая последние дни, чтобы поступить в горный техникум. Но отец с матерью силой заставили меня пойти в 8-й класс, решив, что я буду заканчивать 10 классов. Ходить в школу пришлось за 8 километров в соседнее село, а я всё больше утверждался в том, что после 8-го класса пойду в техникум, и если родители не будут согласны, то просто сбегу. Отец с матерью и слушать не хотели о том, что я стану геологом:- «Ты, что, хочешь стать бродягой? Это же не профессия!». Моей мечте помогло исполниться то, что отца райком отправил учиться в Свердловск на два года в «Институт Марксизма-ленинизма». Семью он перевёз в родную Черемиску, а я остался заканчивать 8-й класс в Белой глине. После окончания поехал сдавать документы в горный техникум им.Ползунова в Свердловске. Летом 1953 г. в связи со смертью И.В.Сталина была объявлена масштабная амнистия и вместе с политическими выпустили всех уголовников. Я сел в поезд на станции Карпунино, но поезда были так переполнены, что места не было даже в тамбуре вагона. Кроме того уголовники, никого не боясь, в открытую грабили всех подряд. Я решил, что на следующие сутки все равно поеду на подножке или на крыше вагона. Мне удалось пробраться в вагон,

но там началась настоящая война и поножовщина. Все были пьяны. Увидев мою растерянность, пожилой мужчина позвал меня, и посадив в угол и сказал, чтобы я ничего не боялся. Он был в «авторитете» у остальных и занимал один нижнюю полку. Так что я доехал благополучно до Свердловска и меня даже кормили колбасой. Это для меня был деликатес, попробовать, который до этого мне пришлось лишь однажды.

В Свердловске я зашел в общежитие к отцу, и мы вместе пошли в горный техникум. Там выяснилось, что техникум не имеет общежития и обрадованный отец повел меня в Политехникум, располагающийся рядом с УПИ (Уральский политехнический институт).

Выбирая факультет, я остановился на факультете «Электрометаллургия стали и ферросплавов», поскольку там была самая большая стипендия – 385 рублей. Но туда же был и самый высокий конкурс – 7 человек на место. Вместе с отцом жил Устьянцев Николай, который видя мое огорчение от того, что я не попал в горный, утешал меня и предложил, в крайнем случае, ехать в город Алапаевск, откуда он был сам. Там он обещал помощь в поступлении в горно-разведочный техникум. Я начал сдавать вступительные экзамены, а отец уехал домой на каникулы. На экзаменах я получил две четверки, пя-

терку и тройку (математика устно) и не дожидаясь решения комиссии, попросил справку по результатам экзаменов для поступления в другой техникум. Конечно, меня бы зачислили вне конкурса «по-блату», так как директор был другом детства отца.

В Алапаевске меня, без всяких проволочек, зачислили на геологический факультет без помощи Устьянцева. У них был недобор мальчиков, а девушек на этом факультете не жаловали, так как впоследствии мало кто из женщин оставался в геологии.

Когда я приехал домой меня на крыльце встретил отец и спросил: - «Ну, как?». Я молча протянул ему студенческий билет. Он начал его читать, и тут его удивлению и возмущению не было предела. Мы поссорились, договорившись до того, что: «Ты мне не сын!» и «Ты мне не отец!». Я развернулся и уехал назад в Алапаевск. В опустевшем техникуме была только секретарь директора Вера Шерстнёва. Она посоветовала мне ехать в подшефный колхоз, куда студенты приедут в начале сентября, и будут там работать весь месяц на уборке картошки и других овощей. В колхозе начиналась уборка зерновых и меня с удовольствием взяли помощником комбайнера. Поскольку работа была в порядке «шефства», оплачивать мой труд, было не положено. Но у меня не было ни копейки денег, и от голода меня спасла одинокая старушка, куда меня определили

на постой. У неё был огород, корова и другая скотина и я помогал ей по хозяйству и ещё упросил бригадира привезти ей для подстилки скотине воз соломы.

В начале сентября подъехали мои однокурсники, а в конце сентября, поскольку уборка зерновых заканчивалась, меня перевели к ним на уборку картошки, что сильно сказалось на здоровье моих белых парусиновых штиблет. Стояли дожди, и я тонул в грязи в своих тифельках, хотя ранее поддерживал их модный вид зубным порошком.

Когда вернулись в техникум, получили стипендию всего 120 руб. по милости Н.С.Хрущёва. Он, придя к власти, ухудшил своими волюнтаристскими решениями жизнь народа. В этом году он ликвидировал «Министерство геологии и охраны недр» и все учебные заведения, готовившие геологов, распределили по разным министерствам. Повезло тем, кто попал в Министерства нефтяной, угольной, чёрной, цветной металлургии. У них на первом курсе стипендия была в три раза больше. Наш техникум попал в самое бедное «Министерство строительства и промышленных стройматериалов». Второй неприятностью для меня стало известие, что мне нет места в общежитии. Я не знал, что мест в общежитии на всех не хватает, а Шерстнёва забыла забронировать мне место. Пришлось поселиться в частном секторе, где за угол и койку

была стандартная цена 50 руб. техникум платил 30 руб, и остальные нужно было доплачивать самому. Оставшиеся 100 рублей я не мог равномерно распределить на месяц и часто голодал. Кроме всего нужно было в обязательном порядке подписываться на всю стипендию ежегодно на «Облигации государственного займа» для создания индустриальной мощи родной страны.

Ждал меня, правда, почтовый перевод от родителей в размере 100 рублей, но я был очень горд и переслал его обратно, заплатив 2 руб. за перевод из своей стипендии. Больше попыток поддержать меня материально родители не делали. Я и сейчас всё время задаюсь одним и тем же вопросом: - «Как я сумел тогда пережить эту зиму?»

На мне были хлопчатобумажные брюки, куртка и кепка, а в запасе были только одна рубашка с коротким рукавом и одни трусы. В морозы ниже 40 С, которые стояли неделями я, держась обеими руками за уши пулей пролетал 700 метров от дома до техникума и потом обратно. Очевидно, от голода завелись вши, которые я не мог вывести, хотя регулярно ходил в городскую баню и стирал и прожаривал там одежду. Простыни и наволочки нам по субботам меняли в кладовой техникума.

К весне одежда моя сильно обветшала, и когда я чинил её, то это составляло большого труда,

так как латки не держались на истлевшей одежде. Наибольшие испытания пришлось пережить на период весенней сессии, когда я позволил купить себе что-то из белья и перед сдачей экзамена по химии четыре дня пролежал, экономя силы, без пищи. Когда я пришел на экзамен мне встретился наш комсорг Юра Бердников, замечательный парень и спросил: «Ты не болеешь? Какой-то очень бледный». Я признался ему, что не ел 5 дней. Он очень удивился и дал мне 5 рублей, предупредив, чтобы сразу я много не ел. Я жил отдельно от всех, ни с кем не общался и никому не жаловался, поэтому никто не знал о моих трудностях. Конечно, ребята могли бы всегда прийти на помощь. Кроме того в то время в столовых на столе всегда бесплатно стоял в тарелках нарезанный хлеб (черный) и многие, взяв стакан чая, наедались этим хлебом. Но я был очень стеснительным и не мог заставить себя этим воспользоваться. Мне легче было умереть.

После весенней сессии наша группа с преподавателем поехала за счёт техникума на экскурсию в Свердловск. Сначала посетили завод горного и бурового оборудования им. Воровского. Затем поехали на открытый карьер добычи медной руды и там, лазая в поисках лазурита и малахита, я полностью оторвал подошвы своих парусиновых туфель. Я подвязал к ногам подошвы толстой алюминиевой

проволокой. Потом мы поехали в геологический музей. В Свердловске геологический музей один из самых лучших и богатых музеев во всём мире. Там экскурсовод, заметив мою необычную обувь, с жалостью смотрела на меня, и я уж после этого не лез к витринам, а прятался за спинами товарищей. Они, кстати, вскладчину купили мне красивые резиновые галоши и торжественно преподнесли их мне при выходе из музея. Я вставил туда подошвы своих туфель и был счастлив, думая, что теперь-то мои ноги в сырую погоду не будут мокрыми.

После производственной практики, мои товарищи поехали на каникулы по домам, а я, уже не помню по чьёму совету, поехал работать в трест «Уралсамоцвет», который занимался добычей драгоценных и других самоцветных камней на шахтах в Мурзинке и Ватихе. Это было недалеко от Черемиски. Шахты были неглубокие до 70 м двух видов. К забою одних шахт вела с поверхности наклонная штольня с проложенными до забоя рельсами для вагонеток. И шахты с вертикальным стволом, которые имели несколько рабочих горизонтов с рельсами до подъёмного ствола, где руда поднимается в бадьях наверх.

Генезис (происхождение) самоцветов был гидротермальным, когда они начинали кристаллизоваться из горячих водных растворов под большим

давлением. Поступающая из глубин земли гранитная магма остывала, на контакте с вмещающимися породами тонкая плёнка рвалась, и в эти трещины устремлялись остатки застывшей магмы не богатой кремнезёмом вместе с парами воды медленно застывая, образовали «пегматитовые жилы» мощностью от 0,5м до 4,5м. При остывании образовывались пустоты «занорыши», в которых создавались условия для свободного роста кристаллов, благодаря чему они обретали совершенные формы. Стенки этих пустот «выложены» кристаллами дымчатого кварца (морион), и полевого шпата, в которыйрастают драгоценные турмалины, бериллы и топазы. За миллионы лет разрушительная сила выветривания снесла горные хребты древних Уральских гор, практически превратив их в пологие равнины. Первые находки были случайны, в корнях вывороченных деревьев, при вспашке плугом. Самоцветный пояс протяженностью около 100км, проходящий по верховьям рек Нейвы, Режа и Адуя был открыт в 1668г. А с 1747 года на Урале началась промышленная обработка камня в т. ч. и в Черемисске были камнерезные работы и огранка камня. Мой земляк из Колташей Дмитрий Зверев явился прообразом Данилы мастера из сказок П.Бажова. Крестьяне верили в сверхестественную силу Камня, в Хозяйку медной горы, никогда

не убивали ящериц и змей, которые олицетворяли эту Хозяйку. Верили, что змея может указать место золотой жилы или клад самоцветов. Слышал от стариков рассказ, как одна женщина, увидев рожающую змею (большинство змей на Урале не яйцекладущие, а живородящие) оставила ей кусочек хлеба. А через некоторое время проснулась ночью от того, что её коснулась змея, а утром на постели обнаружила большой самородок золота.

До 1721 года добыча самоцветов не регламентировалась, а после старатели за право их поиска и добычи обязаны были брать «у казны» билет за 10 рублей.

С 1900 по 1916 год Англо-французская компания за 17 лет эксплуатации вывезла только одних изумрудов 8565 кг.

Добыча самоцветов на Ватихе началась в 1914г, и продолжались до 1987г. Одна девочка на дороге вблизи Шайтанки, нашла большую друзу (плотная группа кристаллов на общем основании) малинового шерла (разновидность турмалина) необычной красоты. Позднее эта друза попала в коллекцию царя Александра I и поражала своей красотой его гостей. Рудник Ватиха славится, в основном, добычей друз аметистов (горного хрусталя) фиолетового цвета с различными оттенками. Добываемые здесь топазы, аквамарины и бериллы используют

ювелиры. Остальные камни микроклины, морионы, турмалины, друзы аметистов и др. продаются как коллекционный материал. Средняя добыча только аметистовых друз составляла 210 кг в год.

Первым, принявшим меня на Ватихе, был начальник шахты Иван Панов, выпускник нашего Алапаевского техникума. Он отнёсся ко мне с большим участием, я постоянно чувствовал его внимание. Кроме того он взял на себя большую ответственность допустив меня шестнадцатилетнего на работу в шахте. Как известно, работать в шахте могут лица не моложе 18 лет. Более того через месяц я стал работать взрывником, а это должны быть лица не моложе 19 лет, потому что они должны иметь годовой стаж работы в шахте. Конечно, я на отлично сдал квалификационной комиссии испытание на «Право ведения взрывных работ» и получил «Единую книжку взрывника», в которой отмечается прохождение ежемесячных инструктажей и ежегодная сдача экзаменов. Наверху шахты тоже было много работы - транспортировка руды на дробильную фабрику, подготовка крепёжного леса и пр., но заработки там были вдвое меньше. Поэтому Панов, увидев мой затрапезный вид, решил дать мне заработать, чтобы я смог одеться. Кроме того он убедился, что я серьёзно и очень ответственно отношусь к работе. Узнав, что я буду работать три

месяца : июль, август, сентябрь (мы имели право один месяц сентябрь) задерживаться на работе, если она была по профилю обучения. Он посоветовал мне брать ежемесячно аванс 400 рублей на питание, и при увольнении забрать остальные. Я так и поступил. Конечно, я начал отъедаться. Сразу купил громадный батон «докторской» колбасы. Раньше я наивно предполагал, что колбасу могут, есть только короли и то, наверное, не каждый день. Но тогда я сразу и на всю жизнь наелся колбасы, а тогда она была из натурального мяса, без соевых добавок невероятно ароматная и вкусная.

Производственный цикл, не вдаваясь в детали, на шахте простой: погрузка породы, настилка пути, установка крепежа, обуривание забоя, зарядание, взрывание и проветривание. Мне выдали рабочую робу и ботинки. На работу я надел своё тряпье, для того, чтобы роба была моим выходным костюмом. Но Панов распорядился тряпье выбросить и мне подобрали вполне приличную, бывшую в употреблении спецодежду и ботинки. Первый месяц я работал на погрузке породы и очень старался, не делал перекуров и практически не отдыхал и Панов постоянно меня оговаривал, что работать «на износ» нельзя. Но я его убеждал, что я не устаю и сил у меня много. Я постоянно боялся, что меня не будут допускать в шахту. На второй месяц

Панов определил меня помощником взрывника к Кириллу Матвеевичу Малых, чудесному мастеру, юмористу, ходячему фольклору. Он щедро делился своими знаниями, не только в профессии взрывника. В специальном помещении мы готовили патроны-боевики, для чего сначала в капсуль-детонатор вставляли кусок бикфордова шнура и обжимали края капсуля, чтобы шнур не выпадал. Для этого служил специальный обжимной станок. Но Малых брал капсуль в рот и обкатывал зубами капсуль, закрепляя шнур. Меня сначала брал ужас и я отбегал от него, думая, что сейчас капсуль сработает и вынесет ему все зубы. Но он уверял, что делает это он уже не первый десяток лет, поскольку это надёжнее закрепляет шнур и он никогда не выпадет, если сработает соседний заряд. Малых предварительно осматривал забой и говорил, в каком месте и сколько бурить шпуров. Здесь ему не было равных. Ни один взрывник с ним не мог сравниться и его «огневое паление» было самым производительным на руднике. Дежурный подавал сигналы ударом по висящему куску рельса, предупреждая о предстоящем палении. Мы спускались в шахту с переносной лампой закрытого исполнения, снаряжали шпуры патронированным аммонитом, последним вставляли патрон-боевик с капсулем-детонатором и бикфордовым шнуром, затем дере-

вянными забойниками лёгкими ударами забивали шпуры песком, влажной глиной и приступали к «палению», поджигая специальным огнепроводным асфальтированным шнуром запальные бикфордовы шнуры и прятались в каких-то предохранительных нишах, боковых ходах или «на худой конец» просто за деревянным щитом. Затем мы начинали считать взрывы. Малых каждый раз спрашивал меня: - «Сколько?». Я угадывал редко и не смог освоить эту науку. Заряды иногда сдваивали и страивали, т.е. рвались одновременно в 2-х или 3-х шпурах. Малых никогда не ошибался, и уверенно шёл к забою, не дожидаясь положенных 15 минут. Осмотрев забой, мы выходили из шахты и говорили крепильщикам сколько нужно крепи. Крепёжная рама делается из сосны диаметром от 14 до 24 см, соединённых в «лапу». Поскольку там была, в основном, монолитная порода средней категории крепи ставили в разбежку через метр. Сосна самое лучшее дерево для крепи. Сколько жизней горняков она спасла! У неё есть замечательное свойство -предупреждать излом треском. Причём трещать она начинает при 70% предельной нагрузки и можно успеть или покинуть забой или установить дополнительную крепь.

И вдруг Малых исчез. Оказывается он регулярно через 2-3 месяца уходил на две недели в запой.

Панов зная это, готовил ему замену. Он спросил: справлюсь ли я с этой работой? Я сказал, что справлюсь, но только нужно бурить меньшее количество шпуров и соответственно ставить зарядов. Панов со мной согласился и сказал, что будем паление производить чаще, но небольшими взрывами. Производительность хотя и упадёт, но зато простоя не будет. Конечно, я очень боялся подвести Панова, но всё проходило гладко. Я выжидал определённое время, для чего мне Панов отдал свои часы, и осматривал забой и, конечно, у меня сначала были случаи отказа зарядов, которые потом приходилось ликвидировать. Когда в строй вернулся Малых, он отметил, что я вырос профессионально, и чтобы это подчеркнуть иногда даже советовался со мной. Мне это льстило, хотя я ясно понимал, что в нём говорит чувство вины передо мной. При расчёте я, неожиданно для себя, получил громадную сумму денег, почувствовал себя Крёзом и не знал, как мне отблагодарить Панова. Панов позволил мне увезти для музея минералогии в техникум роскошную друзу аметистов. После узколобого решения Хрущёва о ликвидации «Министерства геологии и охраны недр» охранять недра никто не спешил. Началась хищническая, браконьерская добыча редких и драгоценных материалов всеми, кому не лень. Исчезла стратегия по разведке запасов полезных

ископаемых. Ведомственные интересы не поощряли обработку разведанных по сопутствующим полезным ископаемым и т.п. На фоне этого некому было интересоваться, где я взял эту друзу.

VII

Из Ватихи я сначала поехал в Свердловск и полностью там экипировался. Купил драповое пальто, габардиновый костюм, две пары туфель, валенки и много прочего барахла. В комиссионном магазине купил шляпу из роскошного нежного велюра. И в довершение всего купил наручные часы. В Алапаевске меня никто не узнал ещё потому, что за это время я подрос на 12 сантиметров. Если в строю я стоял третьим с краю на левом фланге, то теперь становился в середине строя ближе к правому флангу, кроме того я заметно возмужал и окреп. Общежитие теперь мне было не нужно, так как денег ещё оставалось достаточно. Но самое главное у меня появилась уверенность в своих силах. Теперь я знал десятки мест, где можно было подработать. При срочных работах звонили Шерстнёвой и она вызывала меня из соответствующей аудитории. Отпускали меня охотно, так как учился я хорошо. Я оставил телефон Шерстнёвой на всех разгрузочных базах и меня срочно вызывали на авральные работы. Особенно хорошо платили на рыбной базе,

так как у них не было своего железнодорожного тупика и с них брали большие штрафы за простой вагона. Там мы надевали специальные пояса с наплечными ремнями, закатывали на спину стокилограммовые бочки и рысью тащили их до базы около 100 метров. Грузчики, бывалые мужики, обязательно разбивали одну бочку и мы все затаривались селёдкой. Хорошо я зарабатывал и на кондитерской фабрике. Там нужно было из стандартных заготовок сколачивать ящики, обивая их по углам металлической лентой. За готовый ящик платили один рубль, и я довёл свою производительность до 50 ящиков в день. Больше я не бедствовал и с удовольствием помогал тем, кто нуждается.

На втором курсе меня ждало ещё одно испытание, полученное по собственной инициативе. У меня произошел конфликт с преподавателем «Сопромата» Н. Морозовым. Он был хороший преподаватель и написал учебник по «Сопромату», но как-то незаметно подружился с «зелёным змеем» и частенько приходил с запашком.

Как-то после зимней сессии, которую я сдал на отлично, в том числе и зачёт по «Сопромату» я уже чувствовал себя «пупом земли» и сидел неприлично развалившись. Н. Морозов зашел в аудиторию на лекцию и, поздоровавшись, сделал мне какое-то обидное замечание. Язык у него был довольно

острый. Я, не сдержавшись, в свою очередь тоже сказал ему что-то обидное, вроде того, что Вам перед лекцией не обязательно заглядывать в бутылку. Морозов, указав мне пальцем на дверь, сказал, чтобы я больше на его лекции не приходил, и я вальяжной походкой покинул аудиторию. Просить прощения мне даже не пришло в голову. На следующую лекцию я пришел и «забился» в угол за последний стол, но Морозов, войдя в аудиторию, отыскал меня глазами и снова молча показал пальцем на дверь. Через месяц я снова сделал попытку попасть на лекцию, но история повторилась. Это уже сильно испугало меня. «Сопромат» это серьезный предмет и студенты привычно шутят, говоря, что сдав «Сопромат», можно жениться. Я аккуратно и полно переписывал у ребят конспекты и старался в познании предмета не отставать от своих однокурсников. В весеннюю сессию я пришел на последнюю консультацию перед экзаменом. В конце я тоже задал какой-то вопрос, и Морозов ответив на него спросил:

- А, ты, что, надеешься сдать экзамен?

- Конечно! Я много занимался и у меня самый полный конспект по «Сопромату», потому что я списывал его у всех ребят. Я знаю, что Вы такой «корифей» и при желании можете меня завалить.

- Нет, заваливать я тебя не буду, и если ты отве-

тишь на все вопросы билета, то я не задам ни одного дополнительного вопроса.

- Спасибо. А то я уже подумал, что Вы отнимаете у меня всякую надежду.

Ребята за меня тоже переживали и обещали свою помощь. На экзамене я взял билет и Морозов посадил меня перед собой, но я ухитрился передать вопросы билета сдавшему студенту, в то время, когда Морозов расписывался у него в зачётке. Через какое-то время я вышел к доске и на своей, выделенной мне половине, стал кратко мелом писать ответы на вопросы, рисовал эпюры и решение задачи. Когда я закончил, Морозов, из-за моей спины взглянул, что было на доске, и попросил у меня зачётку. Он взял ручку и, глядя мне в глаза, спросил:

- Как тебе удалось всё это списать?

- Да Вы сначала поставьте оценку.

- Я поставлю, но ты скажи, как это тебе удалось?

Поколебавшись, я подвёл его к окну, которое выходило во двор, где стоял грузовик, на борту которого мелом было написано то же самое, что и у меня на доске. Аудитория была на 3-м этаже, и мне всё было хорошо видно. Больше не говоря ни слова, Морозов поставил пятёрку и протянул мне зачётку. Я ждал всё, что угодно, но только не пя-

тёрку. Видимо он поставил её в качестве патента за «изобретение», с которым не был знаком.

После мы подружились с Морозовым. Рядом со своим старым деревянным домом своими руками он строил большой дом из шлакоблоков. Я вызвался помочь ему настилать полы из пятидесятимиллиметровых листовенничных плах, которые до этого не один год пролежали наверху сарая и сильно пересохли. Я его предупредил, что сильно стягивать плахи нельзя, поскольку они от подвала наберут влагу, разбухнут и весь пол пойдёт волнами. Но он небрежно от меня отмахнулся, мол, яйца курицу не учат.

Через три месяца я вернулся из Приполярного Урала и ребята сказали мне, что Морозов давно меня ищет и спрашивает, когда я буду? Морозов привёл меня к себе и показал настил, который действительно напоминал волны. Предварительно обмыв встречу мы тут же решили, как перестелить пол. С большим трудом сняли доски, перевернули их на 180 град., а затем сместив их на лагах, нам удалось выровнять пол, конечно, не за один день. Я над ним подшучивал, что плотницкое дело – это не сопромат – здесь думать надо.

В этом году это был не последний мой успех. Благодаря своей любви к минералогии я стал легендой техникума, так как стал единственным, кто

получил на экзаменах по «Минералогии» отлично. Много лет минералогию преподавал старый геолог-пенсионер. Он говорил так: - «Минералогию на отлично знает сам Господь Бог. Я знаю её на хорошо. Лучший из вас на три с минусом».

Когда я ответил по билету, наш минеролог давал мне для определения и описания около двух десятков камней, ожидая, когда я ошибусь. Посередине и вдоль всего кабинета минералогии впристык друг к другу стояли столы, на которых горой возвышалось несколько тысяч минералов и камней различных пород. Из геологической практики каждый был обязан привозить какие-либо образцы, которые преподаватель сортировал, выбрасывая ненужные за котельную и там за годы существования техникума, вырос большой курган. Определяя и описывая камни, я не сделал ни одной ошибки, и минеролог решился на это святотатство, поставив меня по знанию на одну ступень с Господом. Думаю, что этому способствовало ещё и то, что я с Ватихи ещё на первом курсе привёз для кабинета большую друзу аметистов и другие самоцветы, чему он был несказанно рад.

VIII

После окончания техникума, я как обладатель почти красного диплома, имел право выбора при

распределении, но я решил остаться в Алапаевске, поступив в Алапаевскую геолого-разведочную партию, которая вела изыскания в окрестностях Алапаевска. Мне нужно было поддержать друга Виктора Чумакова. После совместной работы в Приполярном Урале (о чём я писал в своём рассказе «Лось») он заболел туберкулёзом, год учёбы пропустил и теперь пошел на четвёртый курс. Ему нужно было усиленное питание, а мать-вдова, работая в колхозе, помогать ему не имела возможности.

Мы сняли комнату в семье потомственных металлургов Кропачевых. Через полгода геологическую партию перевели в другой район, а меня военкомат с учёта не снимал, так как было указание в связи с противостоянием Китая и Формозы (так тогда называли Тайвань), за которую вступалась Америка, молодых людей с учёта не снимать. Мне ничего не оставалось делать, как уволиться из партии и поступить на металлургический завод младшим канавным, в мартеновский цех. Это предложил мне Кропачев, сам работающий в мартеновском цехе.

После того как я поработал взрывником в шахте я не думал, что меня можно было чем-то удивить. Но попав в мартеновский цех, был, мягко говоря, ошеломлён. Это была настоящая преисподняя. Стоял страшный грохот и сверканье искр ме-

талла. С грохотом ставили мульды с металлоломом краны из шихтового цеха наверху у мартеновских печей. Ездили мостовые краны, которые таскали из конца в конец цеха изложницы и огненные слитки стали, при этом они постоянно громко сигналили звонками, предупреждая, чтобы никто не проходил под грузом. Где-то шел слив металла в 120-тонные ковши из мартеновских печей, озаряя всё жутким кровавым заревом; в другом углу, из другой печи, закончив слив стали, уже сломали спускной желоб и сливали в специальную вагонетку шлак, от которого на большое расстояние разлетались расплавленные шматки шлака, напоминая выброс лавы из жерла вулкана.

Я сначала подумал, что от всего этого можно сойти с ума, но уже к концу смены перестал обращать внимание на этот первобытный хаос, каким он поначалу показался.

В этом цехе применялся сифонный способ разливки стали. Вдоль цеха была расположена канава 2,5 метра ширины и глубиной 2 метра. По рельсам над ней ходил ковш, в который сливали сталь из печей. Вся канава выстлана массивными чугунными поддонами 2,5 x 2,5 метра. В поддонах имеются каналы, которые перед каждым разливом стали футеруются полым огнеупорным кирпичом, имеющим отверстия, на которые устанавливаются изложни-

цы (24 шт.). Сталь, из ковша поступая в центровую, далее по литниковым каналам заполняет все изложницы снизу по закону сообщающихся сосудов. После заполнения изложниц стопор ковша закрывают, и ковш перемещают на следующий поддон.

Канавные через полчаса после разлива стали «раздевают канаву», т.е. снимают со слитков изложницы, с помощью мостового крана. Затем убирают слитки тем же мостовым краном специальными захватами. Далее канавные лезут вниз и чистят поддоны, выбивая из каналов киркой футеровочный кирпич. Предварительно на ботинки одеваются деревянные колодки 5см толщины, которые во время работы дымятся и сгорают полностью через 3-5 дней. Каналы продувают воздухом и следом за канавными, приступает к работе бригада женщин-сифонщиц, которые футеруют каналы.

В этой адской жаре, при напряженной физической работе, я в конце смены получил тепловой удар, и ребята привели меня в душевую кабину и положили меня в ней, открыв горячую воду. «Не переживай, - успокоили они меня – это бывает со всеми, привыкнешь, только пей больше солёной воды, а теперь отлёживайся, но пусть вода будет горячей, иначе потом будет сильно болеть голова».

Действительно я втянулся и привык к жаре настолько, что перестал её чувствовать. Я перечитал

много литературы по металлургии, изучил все способы разлива стали. Старший мастер Варшавский, видя мою любознательность, вскоре перевёл меня третьим подручным сталевара, а через четыре месяца я уже дорос до первого подручного, подменяя сталевара и, даже, самостоятельно осуществлял плавки простых не легированных сталей.

Я поступил в 10-й класс вечерней школы рабочей молодёжи и закончил его, чтобы легче было поступать в институт.

Витя Чумаков после зимней сессии съездил на преддипломную практику и после неё я помогал ему делать дипломную работу, особенно графическую часть, так как черчение он не любил.

Осенью я получил призывную повестку в Армию и поехал повидаться и попрощаться перед Армией с родителями. Приехал 13 сентября в «День танкиста» - самый любимый праздник отца. Он очень обрадовался моему приезду, сказав, что сегодня у меня двойной праздник. Он привёз из магазина ящик бутылочного пива, а мать натопила баню и мы пошли с отцом в «первый жар». Он залез на полок и сказал - «Ну, давай, подкидывай!» Я зачерпнул большой ковш горячей воды и выплеснул его в каменку, следом сразу выплеснул второй ковш, и паром распахнуло дверь бани. Закрыв дверь на крючок, я выплеснул в каменку третий ковш. Отец

пулей слетел с полка и лежал на полу, закрыв уши руками всё время пока я парился.

- Ну, сынок, ты даёшь!

- А помнишь, как я тоже лежал на полу пока вы с дедом парились? Теперь вряд ли кто сможет пересидеть меня в бане.

И потом за пивом я рассказал ему обо всех своих приключениях, и он с уважением слушал.

Через несколько дней родители пошли меня провожать, и я поехал на тот самый сборный пункт в Артёмовск, где формировались колонны бойцов в июле 1941 года, с упоминания которого я начал эту повесть. Через 12 лет после Великой войны пришла и моя очередь дать присягу на верность Отчизне и своему народу.

На проводах впервые в жизни я увидел, что у отца льются слёзы. Это сильно удивило меня и я, решив пошутить, крикнул с машины:

- Батя, не расстраивайся, я никуда не денусь! Нас каждый день по несколько раз будут пересчитывать!

Но отец знал то, чего не знал я. Он знал, что больше он никогда меня не увидит...

Силачёв Ю. Г. 2015 год

СИЛАЧЁВ ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ родился 21 мая 1938г. в городе Реж Свердловской области. С 1958г. по 1960г. проходил службу в Советской армии. С марта 1960г. по август 1962г. работал на ВТГРЭС (г. Верхний Тагил) Заочно учился в УПИ. Участвовал в пуске энергоблоков на Заинской и Джамбулской ГРЭС, Ленинградской и Курской АЭС, АЭС «Лависа» Финляндия и ТЭЦ-23 Мосэнерго. С 1986 по 1988 гг. работал на Кубе советником в Министерстве базовой промышленности. Почётный энергетик. Автор сборника «Первая любовь» и повести «Вся жизнь игра».

Лето 1944г. Слева отец, Григорий Ильич на побывке
после госпиталя и мать Агрипина Васильевна,
в центре бабушка Елена Даниловна,
Справа сестра отца Валентина с мужем.